

Николай Алексеевич Полотнянко родился в 1943 году в поселке городского типа Тальменка Алтайского края. Поэт, прозаик, драматург. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор многих книг поэзии и прозы: «Братина», «Круги земные», «Симбирский временник», «Государев наместник», «Клад Емельяна Пугачева» и др. Лауреат премии им. И.А. Гончарова, им. Н.Н. Благова. Награжден медалью Н.М. Карамзина, орденом Ф.М. Достоевского. Член Союза писателей России. Живет в Ульяновске.

Николай Полотнянко

СКАЗЫ О ДАВНЕМ

ЦАРСКОЕ ЧАЕПИТИЕ ПОД СИНБИРСКОЙ ГОРОЙ

Ж или-были синбиряне в полной уверенности, что до бога высоко, до царя далеко. А тут на тебе!.. Заорал на пожарной каланче караульный и десницей на полночь кажет, воеводу кличет, но не на пожар: по Казанскому тракату мчался клуб пыли и по временам из него высывались то оскаленная конская морда, то копыта, то голова всадника. Караульный заорал еще пуще, брякнул в чугунную доску. Из воеводской избы выглянул приказной: «Что орешь, ботало?»

Следом за ним из дверей вылез сам воевода Федор Хрущев, стольник старомосковской выделки. По дедовскому обычаю, он хотел было соснуть после обеда, а тут переполох. Хрущев неодобрительно глянул на караульного, хотел на него рявкнуть, только вдруг через покосившиеся ворота влетел всадник, в котором воевода наметанным взглядом сразу распознал сержанта гвардии, коих обычно наряжали на царские посылки. «Беда!» — похолодел Хрущев, юркнул в избу и поспешно натянул на себя парадный кафтан. Сержант простучал по доскам крыльца подкованными сапогами, вошел в палату и протянул воеводе кожаный цилиндр с депешей.

— На словах влено добавить: за оплошкx при встрече государя Петра Алексеевича спиной ответишь! — гаркнул гвардеец.

Воевода похолодел от ознобного страха, но сметки не утратил.

— Сенька, черт! — крикнул он начальнику над приказными. — Немедля господину сержанту гвардии обед из моих запасов, да кувшин романеи распечатай!

Сержант с Сенькой пошли в кормовую избу, а Хрущев приказал немедленно собрать всех начальствующих в Синбирске и важных особ: капитана гарнизонной команды, приставов соляной и питейной контор, протопопа собора Живоначальной Троицы, важнейших купцов и промышленников. И тотчас в городе сталолюдно и шумно: приказная шушера, те, кто побойчее на ногу, кинулись в разные концы исполнять воеводский приказ.

Первым прибыл начальник гарнизона капитан Рогачев, ветеран Полтавы, со своей командой. Солдаты, инвалиды и слабосильные, поднимая пыль, толпой ввалились на площадь перед воеводской избой. Рогачев вприпрыжку бегал меж них, размахивая ясеновой тростью с железным набалдашником. Заслышав топот и зверские крики капитана, Хрущев вышел из избы и кисло посмотрел на служивых. Зрелище было жалким и удручающим: мундиры на солдатах сплошь латаные-перелатаные, сапоги разбитые, кой у кого подметки лыками подвязаны, половина солдат хромые, другая половина однорукие.

— Ать-два! — бодро кричал капитан. — Смотри веселей, ребята!

Воевода махнул рукой, мол, веди прочь от глаз моих, и строго спросил капитана:

— А как пушки? Будет государь в крепости или не будет, но в любом разе салютовать надо!

— Все единороги еще третьего дня речным песком вычищены, порох сухой, — отрапортовал Рогачев. — Государь мне лично награду после Полтавской баталии вручал, — и коснулся набалдашником трости пришитого к мундиру золотому рублю.

— Не подведи, родимый, — сказал воевода. — Поднимайся на крыльцо. Он соляной с питейным приставы бредут, и отец протопоп волочится, рясой пыль метет.

Заседали дотемна, пока все решили. Утром, едва рассвело, Рогачев с инвалидной сотней солдат спустился в подгорье к пристани, расставил служивых цепью, и они прочесали всю округу, выковыривая из кустов, лодок, притонов всякую шваль и сволочь, которые от ледохода до ледостава отираются в здешних местах, кормясь воровством и случайными прибутками. Выловили полтора десятка срамных девок в глиняных бусах, с натертыми свеклой щеками, орливых и царапучих. Весь этот полон Рогачев загрузил в большие лодки и отправил за Волгу, подальше от государевых очей. На кабак потратили последний запас охряной краски, выкрасили его снаружи, а крышу промазали дегтем.

Пристань, полверсты берега, вывели метлами, часть ее разборонили. Ступай, царь-батюшка, как по бархату!

Воевода Хрущев с утра припожаловал на вороном жеребце, сбруя вся в серебряных бляхах, позванивает. На самом воеводе шапка с камчатым верхом и собольей оторочкой, кафтан красный с куньей обшивкой по отвороту и низу, на боку сабелька вострая, а в руке плеть-ногайка. Ею он с отяжкой врзал грязному забулдыге, что паялился на кабак, не узнавая

его в охранный дворце-игрушке. Солдаты подхватили голь-рвань и утащили в кусты, тот только ногами задрывал.

— Вот вишь! — сокрушался капитан Рогачев. — Вроде всех из кустов вычесали, а нет!

Подошли купцы, впереди сам Борис Твердышев, купец и промышленник, рядом Андреев, мельничный боярин, да Ушаков (треть купцов Гостиной сотни Среднего Поволжья в граде Синбирске родовые домовладения имели, и торговлю и промыслы вели не только на Волге, но и в Москве, и новой столице Санкт-Петербурге). Хрущев окинул их требовательным оком и остался доволен. Видные собой, ни одного замухрышки, одеты в длинные кафтаны из тонкого аглицкого сукна, красные и синие, на ногах добротные сапоги, на головах шапки из дорогой камки.

К Твердышеву подбежал иноходью ухарь-приказчик, подал корзину с крышкой. Купец достал из нее серебряную братину, наполненную золотыми червонцами. Все так и прилипли к ней очами, вот оно какое — сокровище! Хрущев судорожно сглотнул густую слюну: целых тысяча червонных! Так бы и смотрели, не отрываясь, пока бы с голоду не перемерли, но дозорные, расставленные вдоль берега на сто сажений друг от друга, завопили:

— Идут! Идут!

Из-за мыса белыми птицами вылетели два струга и направились к пристани.

— Маши, воевода! — гаркнул капитан.

— Годи, не к спеху! — буркнул Хрущев и взял в руки зрительную трубку. На переднем струге стоял, подбоченясь, капитан гвардии. На втором были нагружены лубяные короба и мешки. Струги уткнулись в берег. И закипела работа. Начали стаскивать на берег короба и мешки, распаковывать их, все, включая воеводу, стали у капитана гвардии на посылках. В кабаке затопили печь — воду греть, чуть в стороне царские повара начали живую рыбу разделывать, запыхтел огромный серебряный самовар.

С хозяевами царская челядь не церемонилась, толкалась, ругалась, но Хрущев и все именитые синбиряне не обращали внимания на поварню, они заморожено смотрели на Волгу, по которой шла армада парусных и гребных судов, наполненных солдатами гвардейских и линейных полков, и среди них царская галера под громадным белым парусом, над которым, на конце мачты, трепетал Андреевский флаг.

Воеводу Хрущева будто в голову бревном шибануло: сигнал пушкарям подавать! Он потянул из-за пазухи белый плат, но поручик, командовавший крепостной артиллерией сам догадался. Медные единороги сделали залп, потом второй, третий — вершина Синбирской горы закудрявилась белым дымом, а с армады в ответ грянуло, потрясая окрестности, солдатское:

— Виват! Виват! Виват!

Суда с полками прошли мимо Синбирска, а царская галера остановилась возле пристани. С нее спустили шлюпку, в которую сошли государь Петр Алексеевич, его супруга Екатерина Алексеевна, генерал-адмирал граф Апраксин и ближний вельможа Толстой. Когда государь ступил на синбирскую землю, опять троекратно ударили единороги и во всех соборах и церквях зазвонили колокола. Император и императрица приняли благословление от соборного протопопа и недовольно посмотрели на встречающих, которые все пали на колени.

— Подыми, воевода, свою братию, — сказал царь. — Нечего на коленях по песку елозить. Поклона вам мало, все норовите башкой в землю уткнуться!

Первым опамятовался именитый купец Борис Твердышев. Вскочил на ноги, схватил серебряную братину с золотыми червонцами и просунулся к царю:

— Прими, государь, от синбирского купечества!

Петр Алексеевич благосклонно посмотрел на статного купца.

— Принимаю, пойдем со мной чай пить. И ты, воевода, отряхнись и за нами следуй.

Императрица Екатерина Алексеевна с улыбкой смотрела на происходящее и радовалась, какие у нее послушные и любящие подданные, в других странах давно таких нет.

Государь сразу проникся к Твердышеву интересом, усадил его за столом по правую сторону от себя, а воевода Хрущев на краешке стола прилежало и с опасливым недоумением смотрел на стоявший перед ним на тонкой ножке бокал с вином — как бы посудину не разбить, сраму не оберешься.

— Россия твердой ногой стала на Балтийском море, — сказал государь. — Теперь будем утверждаться на Каспии и Кавказе!

Подали закуски, в основном, всякую волжскую рыбу, пироги, сладости.

— Знаю о тебе, Твердышев, что ты богат, честен, но почему больших государственных дел сторонись? — спросил Петр Алексеевич.

Купец не смутился:

— Мое дело торговое, государь. Купец там, где прибыль, но я не только торгую. Суконную и винокуренную мануфактуру имею.

— Об этом мне ведомо, но это в размере всей России мелочь. Тебе надо, как Демидову, развернуться, нечего сиднем на синбирском бугре сидеть.

— Легко сказать, как Демидов, — вздохнул Твердышев. — В одиночку не осилю.

— А я тебе, чем не помощник? — улыбнулся государь. — Бери земли Каргалы в Оренбургской степи, там люди испокон веков медь добывали. Сколько запросишь земли, столь и отпишем на тебя. Крестьян для рудников и заводов отпишем. Ты только начни. А как привезешь мне первые десять пудов добытой меди, так тебе и полное мое благоволение.

Твердышев задумался. О Каргалах он слышал, место окраинное, дикое, кругом немирные народцы, опасное дело предлагал царь, но внутренний голос прямо-таки вопил: «Бери, дурак! Второго раза такой удачи не будет!»

— Ну как, берешься за медь? — спросил Петр Алексеевич.

— Берусь, государь! — уверенным голосом произнес Твердышев.

— Вот это дело, — повеселел император. — Петр Андреевич! Пиши указ: отдать купцу Твердышеву оренбургских земель сколь пожелает для добычи меди, и крестьян отпиши монастырских тысячу душ, нет, полторы!

Толстой поднялся из-за стола и поманил за собой Твердышева.

Синбирское чаепитие Петра Великого было недолгим, парус царской галеры наполнился свежим ветром, крепостные пушки ударили прощальным салютом, и зазвонили колокола соборов и церквей, невиданное доселе торжество встречи государя закончилось.

Дольше всех на пристани оставался Твердышев, в руке у него была грамота с именованным указом императора. Вдвойне был рад недолгой встрече с царем воевода Хрущев. Карабкаясь на жеребце по крутому береговому взвозу, он не жалел и не сокрушался тем, что был обойден царским вниманием, ведь «возле царя — как возле смерти», а ему по душе была другая пословица: «Воевода в городе — что мышь в коробе».

Ушаков и Андреев были весьма недовольны, что Твердышев вылез перед государем вперед всех. «Ничего, — говорили они, — сломает голову на царской милости!» А более всех были разобижены голи кабацкие и пьяни бурлацкие, им предстояло добираться через Волгу к родимому кабаку, который дразнил яркой охряной краской своих стен их мутные взгляды с далекого берега.

А над Волгой занепогодило, с заката напоззли тяжелые грозные тучи, подул холодный и порывистый ветер, и по всей реке заходили, затолпились белоголовые и пенные волны. Застоявшийся конь мягкими губами трогал за плечо Твердышева, торопил хозяина домой, к теплу и корму.

Неведомо нам, как зачинал Борис Твердышев свое великое медное дело, привез ли Петру Алексеевичу обещанные десять пудов меди, но в царствования «кроткая Елизавет» и Екатерины II он, а затем его сыновья Яков и Иван в компании с Иваном Мясниковым, который был женат на его сестре Татьяне, имели в Оренбургском крае громадные земельные пространства, рудники, медеплавильные заводы, десятки тысяч крепостных крестьян. Вся русская медь того времени была их медью. По сути дела, они занимались добычей денег, ибо почти вся ходячая монета была медной.

Никто не знает, сколько человеческих душ сгинуло в Каргалах, рудники там были узкими норами, где, согнувшись, зачастую прикованные к тачкам крепостные вывозили руду на поверхность. Люди гибли от недоедания и повальных болезней, несметно обогащая своих владельцев.

Мясниковы-Твердышевы были баснословно богаты, в 1776 году они имели в своем владении восемь заводов, около восьмидесяти тысяч душ крепостных, миллионы рублей золотом в наличности, дворцы в Москве и Синбирске. Твердышевы и Мясников получили потомственное дворянство и чины, они имели все, что только может пожелать человек, только у Якова и Ивана Твердышевых не было детей, то есть наследников, и все богатства семейного клана достались дочерям Мясникова — Ирине, Дарье, Аграфене и Екатерине.

СИНБИРСКИЕ НЕВЕСТЫ

Сказывают, что после кончины суматошного императора Петра Алексеевича, поднявшего Россию на дыбы и перетряхнувшего весь уклад жизни государства, настали тихие, почти дремотные времена. И очень скоро навывкло российское барство жить под мягкой женской рукой и другого счастья себе не искало. Но когда почил в бозе императрица «кроткая Елизавет», выскочил на престол, как черт из табакерки, голштинской выделки Петр III, седьмая вода на киселе от Петра Великого. Так ему в один час гвардейцы братья Орловы на Ропшинской мызе свернули шею. И с воцарением его супруги, будущей Екатерины Великой, пролились на российское барство неслыханные благодеяния: вышел указ о вольности

и власть над крепостными у него полная и безраздельная, и прочая, и прочая.

Возликовали и наши синбирские помещики. Совестьливые дворяне стремились служить в гвардии или в линейных полках, но большинство оказались домоседами: залегли в своих поместьях, как медведи в берлогах, и носа, даже в Синбирск, не кажут, благоденствуют себе в родовых имениях.

В самом граде тоже кое-какие перемены случились: учинили вместо приказной избы несколько канцелярий, ратушу для учета купцов и ремесленников, и чиновничья вошь начала плодиться на тягосте простому люду. Там, где раньше приказной выжига за составление прошения брал пяточок, теперь канцелярский служка хапал полтинник. Купцам вроде послабление вышло, построили их по разрядам — гильдиям, у кого какая мошна. Почта появилась, одно время цифирную школу завели, учить недорослей грамоте и счету, так желающих учиться из дворян почти не нашлось, стали учить в ней солдатских детей, тех можно было силком заставить, да и пороть их сподручнее, если урока не выучат.

После сих штудий вырастали из них отменные канцелярские крючки, в коих потребность год от года только множилась. Приказ общественного призрения появился, а с ним и богадельни, сиротские дома, за которыми стала присматривать управа благочиния, первый полицейский встал на пост возле дома управителя Синбирской провинции, обитатели работного дома каждое утро брались за тачки, кирки и лопаты — стесывали спуск к Волге, ох и работа, полвека заняла!

Надо же было Богдану Хитрово град, славный и похвальный, взгромоздить на Синбирскую гору. Сосновый лес-то в округе повырубили, другие города поволжские, которые имели береговое местоположение, пользовались для строительства и отопления сплавным, из Ветлуги и Перми, лесом, а в Синбирске каждое бревно приходилось затаскивать на кручу или везти за многие десятки верст.

Все так, но никогда синбиряне не хаяли свой град, если из приезжих кто-то начинал про него дурно говорить, в ругань, а то и в драку, бросались. Мы-ста, синбиряне, у нас дворянство самое родовитое, гербами повитое, купцы — тароватей не найдешь, наши глиняные кувшины-балакири — самые звонкие, промзинские платки — самые баские!

В этом довольстве собой и бахвальстве застала государыня Екатерина на синбирян в лето 1767 года.

В Синбирске, как услышали о скором приезде императрицы, все переполошились, такая замятня началась, что пыль столбом. Выгнали из казармы служивых, дали им в руки лопаты и метлы, кочки соскребают, мусор и шевяки навозные сметают, всю Соборную площадь чисто вылизали, кордегардию и дом провинциальной канцелярии побелили, а наличники на окнах желто выкрасили. Чиновники в присутствия кто в чем хаживал, так заставили всех достать мундиры, проветрить от нафталина, крючки да пуговицы попришивать. Безмундирным велели по домам сидеть и носа не высовывать. Купцам тоже дело досталось — тащат штуки красного сукна, чтобы в двести сажений ковровую дорожку сделать под ноги государыне. Соборные дьяконы глотки прочищают гулким кашлем и кагором смачивают. Дишкантам и тенорам по сотне яиц отпустили даром, пусть пьют от пуза, для голосистости.

Государыня знать не знает об учиненном ею своим приездом переполо-

лохе в Синбирске, почитает себе на перине из лебяжьего пуха под шелковым одеялом. В бока галеры, сделанной из архангельских корабельных сосен, волны плещутся, розовый парус похлопывает, сто гребцов, саженных солдат-гренадер, весла в руках баюкают, дремлют сами. Тут и солнышко взошло, осветило императорский штандарт на мачте, обласкало теплыми лучами палубу, высветило на носу судна бородатого и голого мужика с вилами — морского бога Посейдона. Государыня шевельнула ручкой по лебяжьему ложу, место рядом еще не выстыло, ушел Гриша, как обычно, до ее просыпа. Вздохнула, очи распахнула, в колокольчик брякнула. Появились дамы-прислужницы, у одной в руках серебряная лохань с теплой водой для умывания, у другой — гребни из зуба морского зверя для расчесывания волос, у третьей — шкатулка из черного эбенового дерева с притираниями, мазями, помадами, белилами-румянами, все французской выделки.

Граф Григорий Орлов зашел, ручку чмокнул, справился, как государыня почивала, а о том, где был в ночном — молчок!

— Как погода, ваше сиятельство? — спросила Екатерина.

— Знойно, матушка! Скоро в Синбирске будем.

— Ах, — молвила государыня, — надеюсь, хозяева приготовленные мне покои охладили да мух повыгоняли. Уж очень они меня в Казани замаяли!

Галера «Тверь» причалила к Синбирской пристани под радостные крики горожан. Когда Екатерина ступила на берег, колокола соборов и церковей заблаговестили, над полуразрушенными стенами старой крепости закурился белый дым. И внятно чихнули четыре единорога времен царя Алексея.

По красной дорожке, приветствуемая со всех сторон горожанами и дворянами Синбирского провинции, государыня поднялась в гору к каменному дому Мясникова, где ей были устроены покои. После двух часов отдыха она изволила выйти в залу, где, потев в суконных мундирах, при шпагах и в треуголках ожидали аудиенции синбирский комендант полковник Петр Матвеевич Чернышев с главными чиновниками провинции. Чернышев только в этом году был назначен в Синбирск, в полковники он скакнул, по милости Екатерины, из камер-лакеев, и она с любопытством на него посмотрела, каково ему на комендантском месте, по Сеньке ли шапка оказалась? Еще не перетертый в синбирских жерновах Чернышев выглядел по-петербургски, камер-лакейская выучка позволяла ему держаться с выверенной почтительностью к царствующей особе, а остальные чиновники были крепко ушиблены сиянием, исходившим от российской самодержицы, глаза у них заслезились, руки затряслись, души затрепыхались от прилива крови и административного восторга. Не чаяли они, что будут находиться в двух шагах от порфиноносной владычицы всея России. А та милостиво улыбнулась, допустила их к своей августейшей руке и, сжалившись над их потной краснотой, отпустила.

— Какие медведи! — молвила она, адресуясь к Орлову.

— Медведи? — задумчиво произнес граф. — Это волки, матушка!

— Других у меня нет! Душно, однако, и скучно. Что там на завтра?

— Торжественная служба в соборе, представление народу.

— Ладно, займись бумагами. Этот Чернышев, камер-полковник, принес мне экстракт о состоянии города.

Государыня не гнушалась входить во все административные дела. Поднявшись в свои покои, она поторопила своих дам снять с нее тяже-

люду, прошитую золотыми нитями и унизанную алмазами, робу, выпила холодной воды с брусничкой и села за столик к бумагам. Вечером того дня она записала в своем дневнике: «Здесь такой жар, что не знаешь, куда деваться, город же самый скаредный, и все дома, кроме того, где я стою, в конфискации, и так мой город у меня же. Я не очень знаю, схоже ли это с здравым рассуждением и не полезнее ли повернуть людям их дома, нежели сии лучшие и иметь в странной собственности, из которой ни коронные деньги, ни люди не сохранены в целости? Я теперь здесь упражняюсь сыскать способы, чтобы деньги были возвращены, дома попустому не сгнили, люди не переведены были вовсе в истребление, а недоимки по вину, по соли только сто семь тысяч рублей, к чему послужили как кражи, так и разные несчастливые приключения».

Присыпала написанное песком, сдула, перечитала и взгрустнула. Государыне представилось, что она сидит сейчас в доме на Синбирской горе, кручинится над тем, как извести воровство и взятки, а в это время на всем протяжении огромной России воруют, тащат, вымогают мзду, и нет никаких сил прекратить это беззаконие. Ей стало вдруг зябко, она глянула в окно, в золотом догорал закат, и сладко позевнула.

У графа Орлова тем часом из головы не выходила мысль, как разве-селить свою царственную подругу. На такие придумки он был не очень горазд, не шут Балакирев, а гвардейский офицер, прямой, как плевок солдата, вот шпагой бы кого проткнуть или в мирду кулачищем захватить, на это граф был способен без раздумий. Нрав он имел пылкий, а ум недалекий, тем и проиграл в будущем Потемкину, а пока у него с Екатериной отношения были страстными, умел Григорий так обнять, таким жаром-пылом обжечь, что отказу ему ни в чем не было. Орлов стоял возле окна в коридоре и смотрел, как одна за другой покидали покои государыни ее камеристки. Когда вышла последняя, он двинулся к заветным дверям, но возле лестницы его остановило какое-то шуршание. Он откинул портьеру и увидел прижавшуюся к стене хорошенькую девицу, которая зарделась, как маков цвет.

— Ты кто такая? — спросил Орлов.

— Я хозяйская дочь, ваша милость, Екатерина.

Граф улыбнулся. Чудно ему показалось — опять Екатерина.

— И сколько еще таких розанов здесь произрастают?

— У батюшки моего нас четверо.

— И все так же прекрасны?

По-гвардейски привычно схватил девицу в охапку и поцеловал в губы.

— Ах, сладка ягодка!

Девица убежала вниз по лестнице, а граф задумался, почесал затылок и радостно улыбнулся — его осенила блестящая идея, чем занять государыню. Вошел в покои, увидел свою Катерину, убранныю ко сну, в прозрачной батистовой рубашке, подхватил на руки, закружил.

— Нашел я тебе заботу, матушка! Всю твою грусть, скуку окаянную, как рукой снимет! Нужно заковать четырех девиц в крепкие оковы!

— Это как же они провинились?

— Ох и провинились! Представь: молоды, с лица далеко недурны, за каждой два завода, двадцать тысяч душ, миллионы рублей серебром да золотом. Немедленно возложи на них узы Гименея!

— Ты предлагаешь мне быть свахой? — государыня рассмеялась.

Так низшло на семейство Ивана Семеновича Мясникова царское благоволение. Крепко он маялся, как и жена его Татьяна Борисовна, одной думой: дочери на выданье, а женихов, соразмерных по своим достоинством с приданным, не находилось. Дворянство бывшего купца, полученное им за классный чин, выглядело в глазах родовитого барства скороспелым и даже плюгавым. Конечно, были женихи из дворян, но по большей части с червоточиной: голь, из имущества — только ботфорты на ногах, да шпаженка на боку, да аттестат на чин поручика за пазухой. Такие бы тысячами со всей России набежали, только свистни! Но не о таком счастье мечтались дочерям и самому Мясникову. И он, и Татьяна Борисовна были склонны выдать дочерей за своего брата, купца: за ним надежнее, и капиталы будут целы, и от балов-машкератов головы не закружатся, веру отцов крепко блюсти будут. Тревожные думы одолевали Масленниковых, тревожные.

— Завтра ведь у нас куртаг, — сказала государыня. — Озаботься, Гришенька, чтобы наши хозяева были.

— Непременно! — обрадовался Орлов. Ему намеченное на завтра мероприятие было любо по одной весьма важной причине: государыня, несмотря на его недовольство, постоянно держала вокруг себя свиту молодых блестящих офицеров гвардии, жадно взирающих на нее и готовых при малейшем знаке прыгнуть в царскую постель. Граф прекрасно понимал, что его могущество держится на приязни к нему государыни, и не хотел его лишиться. Завтрашний куртаг его радовал тем, что он может одним махом избавиться сразу от четырех возможных соперников.

Дом Мясникова строил московский архитектор, он был в два очень высоких этажа, имел, кроме жилых комнат и спален, просторный зал на втором этаже с наборным из дуба полом, лепным потолком и роскошной люстрой. Окна выходили на Волгу, из них открывался величественный вид на Заволжье, речные острова и растекшееся между ними русло реки. К приезду государыни весь дом чистили, мыли и скребли, и зал, ярко освещенный множеством свечей люстры и светильников на стенах, сиял, как сказочный дворец.

В дом Мясникова съехались самые родовитые синбирские дворяне, занесенные в шестую часть Бархатной книги российского дворянства. Государыня, встречая гостей, милостиво улыбалась. Ни обеда, ни возлияний на куртаге не предполагалось, это было время общения избранной знати со своей повелительницей, и приглашение на него означало причастность к самому высшему кругу лиц и крайнюю близость к трону. Но сегодня был вечер, где главное внимание уделялось не потомкам Рюрика и Гедемина, а Мясниковым. В карты ни Иван Семенович, ни Татьяна Борисовна не играли, и на сегодня ломбер был оставлен. Музыканты играли длинный польский или полонез, кавалеры и дамы дефилировали с ритмическими приседаниями по залу, а все общество, глядя на танцующих, приосанивалось, видя себя таким прекрасным, таким знатным, таким пышным, таким учтивым.

Екатерина была великая мастерица вести всякого рода переговоры.

— Я слышала, — сказала она Мясникову, которого не отпускала от себя ни на шаг, — у тебя много красного товара имеется, а у меня — добрые молодцы.

Ивана Семеновича окатило жаром, он сразу понял, о чем идет речь, и не стушевался.

— Товар имеется красный, да только по плечу ли он молодцам будет? Мы люди простые, наукам не обученные.

— Полно тебе, Иван Семенович, — улыбулась государыня. — Не след тебе приbedняться. Все от твоего слова зависит.

— С превеликой благодарностью вручаю судьбу дочерей вам, Ваше величество, — сказал Мясников и прижался губами к милостливо протянутой руке императрицы.

И начались свадьбы: и в Синбирске, и в Москве, и в Санкт-Петербурге. Ирина вышла замуж за Павла Бекетова, родовитого дворянина и капитана гвардии; Дарья — за Александра Пашкова, в его память россиянам остался знаменитый «Пашков дом» в Москве; Аграфена — за Алексея Дурасова, построившего на деньги жены великолепную усадьбу, завязтого театраля; Екатерина — за Григория Козицкого, чей дворец в Москве был перестроен в «Елисейский» магазин. Мужья получили жен с большим приданым, Екатерина развеяла синбирскую скуку, а граф Орлов был доволен удалением своих вероятных соперников. Синбирское сватовство Екатерины — редкий случай, когда все остались довольны.

Призвание государей — видеть своих подданных счастливыми, и Екатерина это удалось сделать в граде Синбирске, славном и похвальном.

СОЖЖЕНИЕ ЕРЕТИКА ЯКОВА ЯРОВА

О граде нашем Синбирске, славном и похвальном, начну сказывать, о житии неспешном его обывателей, мещанах, купцах, служилых людях и дворянах, в царствие Петра I в части своей лишенных бород и облаченных в немецкое платье. От немцев и табак завезли к нам, отчего пожары в Синбирске, граде деревянном и ветряном, участились, недели не пройдет, чтобы чья-то изба не полыхнула берестой. Народ на пожар сбегается, а тушить нечем, воды нет. Стоят людишки, пялятся на полымя, руками машут, только ветер нагоняют, а помощи погорельцам никакой. Вот до чего табачная привычка доводила, а утеснить ее нельзя, царю деньги требовались на войну со шведом, на строительство новой столицы, на машкерады, да на прорву воров вокруг своей царственной особы. Питие хмельного тоже не возбранялось, голи кабацкие, рванины бурлацкие, как нетопыри, кружили вокруг кабаков в подгорье на пристани и в самом граде, двери в кружала не закрывались, меднолицые целовальники сгребали полушки и гривенники с мокрых от пролитого вина прилавков все туда же, в цареву мошну. Правда, и к их рукам немало прилипало.

Не все, конечно, обыватели винище лопали, курили да жевали табак. Много было людей богомольных, ко всякому рукомеслу прилежных, от их щедрот поднимались во граде Божьи храмы. Построили каменный Свято-Троицкий собор, чуть позднее — Свято-Вознесенский, благоденствовали женский Спасский и мужской Покровский монастыри. Каждый помещик в родовой вотчине строил храм своим иждивением или с помощью крестьянской общины. Колокола звонили, попы служили, обыватели толпились в храмах, но много еще было в народе темных верований, от язычества ему доставшихся.

Нет-нет, да возьмут силу над легковверными людьми ведуны, знахари, ворожеи, к коим простодушные обыватели обращались в надежде вылечить застарелую хворь, извести обидчика, присушить желанного человека, заручиться удачей в торговом предприятии. А когда холера начинала грозить из Астрахани или чума надвигалась из Ногайских степей, то появлялись лживые пророки и пророчицы и смущали народ дерзкими предсказаниями, доводя его до полной душевной немощи и готов-

ности броситься на первого встречного с кулаками или оружием. В ход шли ябеды, клепали на соседей, даже на родню, обвиняя их в колдовстве, в канцелярии воеводской даже рундук особый завели для хранения челобитных и подметных писем.

И вот однажды ранехонько, едва приказные отперли городскую ратушу, прибежала к ним молодая баба и с порога в пол лбом ткнулась, зарыдала, заголосила. Орет благим матом, понять можно только одно: на кого-то клепать хочет. Сначала подумали, что дело пустое, оказалось, что полностью попадает под новый указ государыни Анны Иоанновны «О некоторых людях, которые, забыв страх Божий, показывают себя, будто они волшебства знают и обещаются простым людям чинить всякие посылы, чего ради те люди призывают их к себе в дома и просят их о всепомоществании в злых своих намерениях...» Утерла баба со смазливой мордашки мокроту и поведала о своем муже, посадском человеке Якове Ярове, за которого она вышла замуж полгода назад «неохотой», под давлением родителей. Житье с мужем сразу не заладилось, оный Яшка Яров не прилепился к жене, а стал с первого дня удаляться в свою комнату на чердаке, чем вводил супругу в недоумение и любопытство. Она стала за ним поглядывать, сучок в перегородке вынула и все узрела. Видит, горят несколько лучин, муж перетирает в ступе какие-то травы, пересыпает семена. С той поры ни одной ночи спокойно не спала, страшные видения стали подступать к ней во сне, мучили сердцебиение и приливы крови к затылку. Под внушением страха Варвара Ярова обратилась к своему духовнику, священнику Никите Андрееву, а потом к другому иерею Никифору Епифанову. Духовные особы нашли в действиях Ярова признаки преступления: «Чтобы не остаться ей приличной (обвиненной) вместе с мужем ея в таком еретичестве, нужно обо всем донести начальству». Извет Варвары Яровой был запротоколирован, ее отпустили домой и наказали хранить все в тайне.

На другой день собралось немалое приказное воинство во главе с земским старостой Семеном Ясырином, и нагрянули они вечером на подворье Якова Ярова, но без шума и звона, а тишком, чтобы поймать еретика во время волшебства. Понятые, приказные были пропущены Варварой к лестнице, осторожно поднялись по ней, и Ясырин принял глазом к дырке от сучка. И видит: на столе перед Яровым коробочки, а в них находятся травы, порошки, ко всему некая толстая книга, тетрадки гадательные, а вокруг расставлены кости человеческие. Ясырин дал отмашку дюжему понятому, тот ударом ноги вышиб хилую дверь, и орава приказных ворвалась в комнату. Якову заломили руки, связали его накрепко, нашли большой лубяной короб и сложили туда травы тертые и не тертые, сушеные и не сушеные, тетрадки, книгу, заговорную и притворную ко блюду. Потрясенный нападением Яров не сопротивлялся, его сволокли вниз, бросили вместе с коробом в сани и повезли в ратушу.

Содрали с Ярова зипун и портки, разложили на скамье, вынули из бочки с водой прутья и приступили к дознанию. Взыл Яшка благим матом, попытался вывернуться из-под двух мужиков, державших его за голову и за ноги, и начал показывать на себя страшные признания. Что имеет он у себя книгу волшебную девять лет и по ней всегда святотатственные действия чинил, познал эту книгу и «отрекся от истинного Бога, но от Христа он вовсе не отрекался». По этому самому учению «он дьявола и сатану чтит и теперь владыками их признает и клянется ими». Приказной усердно скрипел пером, занеся признания Ярова на бумагу, иногда

живая подручным, чтообы добиавили злодею шелепов, и тот продолжал клепать на себя дальше, что лечил по их просьбе у себя людей синбирских, и назвал имена.

На другой день приказное следствие устроило злодею очную ставку с его женой Варварой. Та неуступно стояла на своем: и волшебства де еженощно устраивал, и заговоры накладывал, и «еретичество за ним признает издавна, и в такой силе, как раньше показывала». Приходский священник заявил о Ярове по тем временам ужасное: «он де на исповеди у него не был, в своем еретичестве ему не каялся и Святых Таин не приобщался». Окольными путями навели справки о тех, кто лечился у Ярова, и притянули к допросу братьев Карамышевых, Ивана Издеберского со снохой Марьей, Григория Деревягина и других посадских людей. Все они единогласно показали, что лечились у Ярова от разных болезней, никаких волшебных действий он над ними не совершал, еретических книг не видели, а читал Яков над ними три молитвы, которые напечатаны в требнике в чине крещения, и запретительную от бесов и злых духов. Эти показания были приобщены к делу, но никакого влияния на дело Ярова не оказали. А оно велось явно с обвинительным уклоном.

Городская ратуша передала Ярова вместе с розыскными бумагами в провинциальную канцелярию, там учинили свой розыск с сечением подозреваемого и вызовом свидетелей по второму разу. Удостоверившись, что дело идет о волшебстве и еретичестве, сообщили об этом в канцелярию Казанской губернии, и та уведомила об этом правительствующий сенат. Медленно тащиалась колесница российского правосудия от Синбирска до Казани и Санкт-Петербурга, а Якова Ярова, возложив на него оковы, поместили в провинциальную тюрьму возле воеводской избы. Узников в те времена не кормили, они существовали на подаяние. Беглые крестьяне, базарные тати, разбойники в сопровождении караульного ходили за милостыней на торжище и в богатые дома синбирян. Особо щедрые дачи колодники получали в дни церковных праздников. В сырой и земляной тюрьме тяжело дались Ярову проведенные в ней четыре года. Он полуослеп, разбух от водяной болезни, жил среди людей, но был отделен от них пропастью обвинений в еретичестве и волшебстве.

Но пришел час и его судьбы. Прискакал из Казани курьер и привез депешу, а в ней прописано: «Казнить еретика Якова Ярова смертью сожжением». Воевода Иван Иванович Немков прочитал сие и перекрестился. Призвал к себе начальника канцелярии и приказал сводить Якова Ярова в баню, переодеть в чистую одежду и накормить до отвала. А еще приказал срубить на Венце сруб и подвезти к нему два воза сена.

Всю ночь при свете смоляных факелов плотники рубили и вязали венцы сруба, и к восходу солнца он был готов. Хотя о казни народу не объявлялось, с рассветом на Венец со всех концов града начали сходить посадские люди. С барабанным боем пришла воинская команда, солдаты с четырех сторон окружили сруб, оставив лишь небольшой проход для смертника. Из Заволжья выкатилось солнце, осветив место казни. «Ведут!» — выдохнула толпа. Яров шел в чистой посконной рубахе в сопровождении двух солдат с ружьями. Его подвели к воеводе и бросили на колени. «Читай!» — сказал Немков канцелярскому начальнику. Тот поправил на носу оловянные очки и откашлялся: «...потому ему, Ярову, экзекуция учинена будет за волшебство, за все злые и богопротивные дела казнить онго Ярова сожжением». Едва были произнесены последние слова приговора, как солдаты схватили Ярова и бросили в сруб, и разом

вспыхнуло со всех его сторон сухое сено. Посадские, сняв шапки, крестились, некоторые плакали, а из столба огня и дыма раздавались вопли сгорающего заживо человека.

Перед смертью Яков Яров отказался от исповеди.
И было это в 1736 году от Рождества Христова.

* * *

Топоры по березам — туп! туп!..
Что, мужики, рубите?.. Сруб! Сруб!..
В дерево звонко стучит топор.
Береза сухая — жарче костер.

А вокруг посадская шныряет ребятня.
А вокруг зеваки позорища ждут.
Завтра на рассвете морозного дня
Здесь колдуна в срубе сожгут.

В клетки острожной мечется тень.
Кандалы железные — звень! звень!
Кончилась ночь. Утро встает.
В красной рубахе палач идет.

Сруб на Венце, по-над Волгой, готов.
Яр воевода. Ноздрей сопит.
Яков Яров идет без оков:
На дыбе изломан — не улетит.

Снег под лаптишками — хруп! хруп!
Якова Ярова бросили в сруб.
Искра упала в сухое сенцо.
Мать уронила в ладони лицо.